

Ирина Михайловна ЧИРСКОВА / Irina CHIRSKOVA

| «Тело власти»: цензура как феномен культуры / The Body of Power: Censorship as Cultural Concept |

Ирина Михайловна ЧИРСКОВА / Irina CHIRSKOVA

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
Кафедра истории и теории культуры, старший преподаватель**Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Department of History and Theory of Culture, Senior Lecturer
itk@mail.ru*

«ТЕЛО ВЛАСТИ»: ЦЕНзуРА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается становление, институциональное оформление и динамика российской цензуры. Цензура представлена как органическая составляющая «тела власти» и «тела культуры». Анализируя изменения цензурного законодательства, цензурной практики, особенности диалога власти и общества по вопросам свободы слова в царской России, СССР, РФ автор показывает актуальность проблемы в условиях современного информационного общества.

Ключевые слова: «телo власти», институциональное оформление цензуры, анатомия власти, регламентация, контроль, табуирование информации, двоямыслие, правовое регулирование, медиа-пространство, онлайн СМИ.

Институциональное оформление цензуры сопровождалось постепенным осознанием властью действенности глубинного механизма социокультурного и политического воздействия на общественное мнение. Потребность в институте цензуры была непосредственно связана с расширением культурного пространства, увеличением объема социальной и культурной информации, значительным ростом круга ее потребителей и ценностно-смысловой дифференциацией внутри этого круга, требовавшей строго ранжированного контроля. Цензура стала органичной и непремен-

THE BODY OF POWER: CENSORSHIP AS CULTURAL CONCEPT

The establishment, institutional formalization and dynamics of the Russian censorship are considered in this article. The censorship is presented as a component of the "body of power" and the "body of culture". By analyzing the changes of the censorship laws, censorship practices, features of the dialogue between the authorities and the public on issues of the right of free speech in Russian Empire, the USSR, the Russian Federation, the author considers the relevance of the problem to today's information society.

Key words: «body of power», institutional formalization of the censorship, anatomy of the power, the control, the information taboo, the legal regulation, media space, on-line mass-media.

ной составляющей «тела власти», без которой нормальное функционирование государственного организма уже не представлялось возможным.

Не одно столетие цензура выполняла роль фильтрующего органа, возводя барьер на пути чужеродных власти и разрушительных для ее «тела» сил. Наличие в «теле власти», в аппарате управления, такого важнейшего регулятивно-карательного инструмента, как цензура, позволяет рассматривать ее как культурно-исторический феномен, с одной стороны, и как общественно-политическую систему, с другой. Особенно усилился процесс консти-

Ирина Михайловна ЧИРСКОВА / Irina CHIRSKOVA

| «Тело власти»: цензура как феномен культуры / The Body of Power: Censorship as Cultural Concept |

туирования цензуры как социокультурного феномена и социально-политического института в XIX в. Однако власть, персонифицирующая государство как целостную организованную систему, и, собственно общество, понимаемое довольно расплывчато и неопределенно, видели смысл и сущность цензуры по-разному. Так, институт общественного мнения, вполне оформившийся в XIX веке и ощутивший свою силу, сам превратился в своеобразный цензурный институт, беря подчас на себя функции, качественно отличные от задач правительственной цензуры.

Если правительственная цензура защищала «тело власти» от деструктивных для него политических и культурных процессов, тем самым охраняя существующий политический режим от посягательств оппозиции, демократических течений и стихийных процессов социокультурной саморегуляции общества, то общественное мнение, как правило, критиковало власть и государственные институты, инициировало реформы и социокультурные трансформации, защищая общество от злоупотреблений власти, политической тирании и различных форм социального и культурного насилия, духовного давления, отстаивая его свободы и права. Эти две важные и типологически различные разновидности цензуры образовывали в совокупности как бы «две стороны медали». В каждой из них были конструктивные и деструктивные составляющие, отстаивавшие различные, а подчас и противоположные интересы – властных структур и государства, с одной стороны, и общества (в перспективе – гражданского общества), с другой.

Изучение анатомии власти в России – СССР активизировалось в 1990-е – начале 2000-х гг. Попытки составления подробного анатомического атласа шли параллельно с обсуждением проблемы взаимоотношений власти и общества. Роль общественного мнения, как значительного фактора регулирования не только политико-правовых, но и культурных процессов, актуализировалась в стране. В постсоветский период свобода слова была

выдвинута в качестве главного условия плодотворного сотрудничества власти и общества. Начались, продолжающиеся до сих пор, бесконечные споры, что есть цензура (границы понятия «цензура», ее генеалогия и пр.) и нужна ли она (нравственная, возрастная и пр.).

Рост информационного пространства, отсутствие каких-либо рамок, защищающих, например, от вреда, наносимого психике и здоровью людей, борьба с пропагандой терроризма и др. делают проблему цензуры чрезвычайно актуальной. Выдвигались проекты создания некоего государственного органа, медиасообщества, общественного совета по защите государственных интересов и пр. 300-летие русской журналистики знаменовалось обсуждением в прессе, на радио и в телеэфире проблемы свободы слова. Конституция РФ (ст. 29.) и закон в средствах массовой информации запретили цензуру, как таковую, однако вопрос о ее существовании до сих пор остается одним из самых дискуссионных. Звучат предложения о необходимости возрождения цензуры как нравственного института; оппоненты предупреждают об опасности введения любой цензуры, которая, в конечном счете, непременно примет политический, националистический или любой другой оттенок, разрушительный для общества и государства.

Обсуждается и проблема свободного выбора информации (право «выключить»), «ограничения доступа», например, детям к учебнику по судебной медицине и пр. С телеэкрана высказывалось мнение, что теперь цензура «дело корпоративное» и, если раньше человек рисковал партбилетом ради свободы слова, то теперь деньгами он чаще всего не рискует (В. Лошак). Звучали и мнения, что «управляемая демократия» вообще не предполагает свободного слова (Ю. Поляков и др.). Плюрализм мнений и широчайшее обсуждение проблемы лишней раз говорят о ее актуальности, а возможность столь активной дискуссии свидетельствует о существенных сдвигах в отечественном общественном сознании.

Ирина Михайловна ЧИРСКОВА / Irina CHIRSKOVA

| «Тело власти»: цензура как феномен культуры / The Body of Power: Censorship as Cultural Concept |

В 2010-е гг. вопрос свободы слова и цензуры вновь оказался в центре внимания общества и власти в связи с попытками правового регулирования сети Интернет. Федеральные законы в медиапространстве получили имена собственные¹. Складывающаяся вокруг законов, подзаконных актов и других информативных документов, принятых в первой половине 2010-х гг., правоприменительная практика вызывает бурные дебаты в российских онлайн СМИ и далеко нелицеприятные выпады в адрес «тела власти».

Вопрос отношения к цензуре остается весьма болезненным, а история этой «болезни» имеет колоссальное количество белых пятен и связана со множеством кривотолков и перегибов.

Первые шаги цензуры в качестве органической составляющей «тела власти» были сделаны в XVIII в. С законодательным оформлением феномена «государственная культурная политика» начались тесные контакты «тела власти» и «тела культуры». Их взаимные попытки формировать (деформировать) друг друга часто происходили при участии цензуры. Всякий раз цензура требовала жертв со стороны культуры, которая, в свою очередь, пыталась «обойти» и «обмануть» навязчивого контролера. Власть же, стремясь направить культуру, использовать ее в своих целях, привлекала для этого в качестве одного из главных инструментов – цензуру. Наряду с церковной, молодая светская цензура заботилась, в первую очередь, о недопущении в печать сведений, компрометирующих «тело власти» верховной. Однако XVIII в. в

цензурном отношении дал лишь комплекс отдельных распоряжений, нормативное законодательство и специальное цензурное ведомство отсутствовали.

XIX в. в истории цензуры стал качественно новым этапом. Именно тогда взаимоотношения «тела власти» и «тела культуры» принимают юридически оформленный характер. Цензура в России стала органической частью того и другого. На протяжении века цензура профессионализируется, превращается в действенное орудие правительственного влияния (давления) на создание, хранение, распространение и потребление любого вида информации. Цензура как составляющая «тела власти» расширяла и совершенствовала свои функции (контроль, охрана, санкции, регламентации, репрессии и пр.). Значение и иерархия функций менялись в зависимости, прежде всего, от политической конъюнктуры. Если современники ощущали непосредственное воздействие цензуры, то глобальные культурные последствия бытования цензуры, плоды ее деятельности, направленной на возможно более комфортное существование «тела власти», в угоду которому допускалась подчас и произвольная деформация «тела культуры», требуют основательного изучения.

Работая в системе «организма власти», цензурный аппарат не только контролировал, охранял, регламентировал, санкционировал и наказывал. Он транслировал, манипулировал, создавал нужные эталоны, отфильтровывал информацию, предавал забвению враждебные «телу власти» идеалы, пытался изменять течение культурных и социальных процессов, а также противостоять духовно чуждым официальной идеологии ценностям. Непосредственное и постоянное профессиональное общение с продуктами, прежде всего, труда интеллектуального делали саму цензуру своеобразным феноменом культуры. Усилия, направленные на ограждение государственных интересов, часто имели противоположный результат: запрещение способствовало популяризации, а цензурный прессинг – лучшему (по сравнению с более свободными в цензурном

¹ Федеральный закон № 139-ФЗ от 28 июля 2012 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» – «закон о цензуре»; Федеральный закон № 187-ФЗ от 02 июля 2013 г. «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях (антипиратский закон)»; Федеральный закон № 398-ФЗ от 28 декабря 2013 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (закон Лугового), и др.

Ирина Михайловна ЧИРСКОВА / Irina CHIRSKOVA

| «Тело власти»: цензура как феномен культуры / The Body of Power: Censorship as Cultural Concept |

отношении европейскими странами) знакомству русского читателя с отечественной и иностранной литературой.

Цензура в ряде случаев выступала стимулятором определенных видов культурной деятельности. Так, в борьбе с ней русская печать оттачивала язык общения с читателем, выражаясь иносказательно, емко и многозначительно, что в свою очередь способствовало формированию активного читателя, думающего и сопереживающего, умеющего домысливать то, что недосказано. Позитивное влияние на сохранность культурного наследия оказало введение государственной библиографической регистрации, учета печатной продукции и налаживание порядка сбора обязательного экземпляра с типографий (1837 г.), а позднее – создание при Главном управлении по делам печати² фонда запрещенной литературы.

Подчас цензура выступала в качестве «шлагбаума», не пропуская в печать заведомо недоброкачественные (в литературном, научном, нравственном и пр. отношениях) произведения. Однако, в конечном счете, без особого преувеличения можно утверждать, что цензурная опека во многом повлияла на самосознание русской культуры.

На протяжении XIX в. законодательно определен статус цензуры внутри «тела власти», пополнились её ряды, повысился уровень материального обеспечения, был установлен определенный образовательный ценз для сотрудников.

К концу XVIII в. Указом о вольных типографиях (1783 г.) Екатерина II ввела цензуру в систему полицейских органов, сосредоточив ее в

управах благочиния. Через тринадцать лет, в 1896 г., вольные типографии решено было закрыть, а в 1800 г. Павел I запретил ввоз в Россию заграничных изданий³.

«Дней Александровых прекрасное начало» знаменовалось восстановлением «вольных типографий» и отменой запрета на ввозимые из-за границы книги (1801 г.); изменилась и подведомственность цензуры – с 1802 г. (вплоть до 1804 г.) она подчинялась гражданским губернаторам. 9 июля 1804 г. в России был принят первый в истории цензурный устав⁴, на основании которого цензура была возложена на цензурные комитеты при университетах, подчинявшиеся ректорам. В их состав входили деканы факультетов, просматривавшие рукописи по профилю своего отделения. В Петербурге, где университета еще не было, цензурный комитет должен был находиться под руководством попечителя учебного округа и состоял «из ученых особ». В других городах к работе привлекались директора гимназий. Цензурные комитеты просматривали все книги светского содержания. Цензор не имел права делать поправки в рукописи, а обязан был отсылать ее издателю для исправления. Решения о запрещении принимались большинством голосов. Устав был весьма либерален⁵ и предполагал благоприятное отношение к печати, призывал «руководствоваться благоразумным снисхождением, удаляясь всякого пристрастного толкования сочинений».

В целом в первую половину царствования Александра I сильного давления на печать не было. Однако и в это время обсуждение острых вопросов, которые могли отразиться на здоровье «тела вла-

² Создано в 1865 г. на основании «Высочайше утвержденного именного указа Сенату о даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» и мнения Государственного Совета «О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях». Эти два законодательных акта составили в совокупности «временные правила о печати» (ПСЗ II, Т.40, Отд. I. № №41988;41990).

³ ПСЗ I. Т. 21. № 15634; Там же. Т.23. № 17508; Там же. Т.26. № 19387.

⁴ Там же. Т. 26. № 19387; Там же. Т. 27. № 20139; Там же. Т. 28. № 21388; Устав о цензуре. СПб., 1804.

⁵ Первый устав был положительно воспринят современниками, о чем свидетельствуют отзывы в периодике. Наиболее либеральным его считают в истории цензурно-законодательства и историки.

Ирина Михайловна ЧИРСКОВА / Irina CHIRSKOVA

| «Тело власти»: цензура как феномен культуры / The Body of Power: Censorship as Cultural Concept |

сти», цензура пресекала⁶. Созданное в 1811 г. Министерство полиции получило широкие цензурные полномочия и успешно соперничало в этом с Министерством народного просвещения (МНП). После войны 1812 г. ситуация ужесточилась: к контролю за информацией о «теле власти» привлекаются отдельные его органы – министерства и ведомства. Так, в 1817 г. министр духовных дел и народного просвещения⁷ А.Н. Голицын дал распоряжение цензурным комитетам не пропускать ничего «относящегося до правительства, не спросив прежде согласия от того министерства, о предмете которого ... рассуждается»⁸.

Несовершенство устава и очевидное противоречие с задачами власти в новых условиях заставляли цензоров на практике менять отношение к печатному слову. Все чаще «сомнительные места» толковались отнюдь не в пользу авторов, запрещались переиздания и пр. Цензурный фильтр 1804 г. уже не способен был проводить должную очистку государственного организма и нуждался в замене. В 1820 г. создается комитет для разработки нового устава⁹, но ни проект М.Л. Магницкого¹⁰ (предлагавший сосредоточить цензуру в МНП, цензурные комитеты сделать независимыми от университетов,

а цензорами назначать только лиц, пользующихся доверием министра, что, по мнению автора, соответствовало духу времени), ни более мягкий проект А.С. Стурдзы приняты не были.

Кончина Александра I и последовавшие за этим, смертельно опасные для «тела власти», события стимулировали защитные силы политического организма. Параллельно с укреплением государственной системы, дальнейшей бюрократизацией аппарата управления, усилением полицейского надзора шло и становление структуры цензурного ведомства. «Чугунный устав» 10 июня 1826 г.¹¹ просуществовал немногим более года. Документ провозглашал профессионализм «многотрудного», а потому не соединимого «с другой должностью» цензурского труда, чем подчеркивалась важность института цензуры – бдительного, ни на что не отвлекающегося, охранителя власти. Для общего руководства учреждался Верховный цензурный комитет¹². Устав подробно оговаривал задачи цензуры, регламентировал возможные действия ее аппарата. Охрана «тела власти» предусматривала контроль всех важных областей и направление общественно-политической и культурной жизни в русло, согласное «с настоящими обстоятельствами и видами правительства». Все, что имело «двоякий смысл», особенно, если «один из них противен цензурным правилам», должно было запрещаться.

Недолговечность документа обусловили не только его одиозность, но и текст громоздкий, перегруженный ненужными подробностями, осложнявший работу цензоров и крайне неудобный для практики. Эти недостатки были учтены в новом уставе 22 апреля 1828 г.¹³, который был несколько мягче своего предшественника, компактнее, но при этом включал в себя не только цензуру внутрен-

⁶Так было запрещено второе издание книги И.П. Пнина «Опыт о просвещении относительно к России» (1-е изд. СПб., 1804) т. к. автор коснулся вопроса о крепостном праве. С началом военных действий под цензурным контролем оказалась вся информация о Наполеоне и пр. См.: Розенберг В., Якушкин В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи. М., 1905. С. 29; Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1700 - 1863). СПб., 1892. С.106-107.

⁷ В 1817-1824 гг. аппарат министерства народного просвещения входил в состав министерства духовных дел и народного просвещения.

⁸ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902. С.160.

⁹ В состав комитета вошли представители Главного правления училищ (М.Л. Магницкий, П.С. Мещерский) Ученого комитета (Д.П. Рунич, И.С. Лаваль, Н.И. Фус).

¹⁰ «Проект мнения о цензуре вообще и началах, на которых предполагает цензурный комитет составить для оной устав».

¹¹ ПСЗ II. Т. 1. № 403; Устав о цензуре. СПб., 1804.

¹² Он состоял из министров народного просвещения, иностранных и внутренних дел. В Петербурге действовал Главный цензурный комитет в подчинении министра народного просвещения, комитеты были в Москве, Дерпте и Вильно.

¹³ ПСЗ II. Т. 3. № 1979; Устав о цензуре. СПб., 1829.

Ирина Михайловна ЧИРСКОВА / Irina CHIRSKOVA

| «Тело власти»: цензура как феномен культуры / The Body of Power: Censorship as Cultural Concept |

нию, но и внешнюю. Здесь было 40 параграфов, касающихся цензуры иностранной. Расплывчатые формулировки 1826 г. конкретизировались¹⁴, что было своего рода попыткой (типичной для николаевского времени) привести все, в том числе и цензуру, к законному знаменателю. Однако рамки законности в самодержавном государстве крайне условны. Закон «снял шляпу» не только перед императором, Он склонялся в угоду политическим, а порой и ведомственным интересам. Уточнения и поправки устава хлынули лавиной. В 30 – 40-е гг. в цензурный процесс активно включаются ведомства, вставшие на охрану корпоративных интересов. Крылатая фраза А.В. Никитенко о «ниспровержении» цензурного устава¹⁵ была более чем справедлива.

Ужесточение цензурной практики шло по нарастающей; цензура как часть «тела власти» разрасталась внутри него, пытаясь защитить как политическое «тело» в целом, так и отдельные его органы. Министр народного просвещения С.С. Уваров считал, что цензура должна «укротить» порыв прессы «заниматься предметами до государственного управления или вообще правительства относящимися»¹⁶. В результате, стремясь совершенствовать систему тотального контроля, учесть все возможные варианты нарушений и изменения политических ветров, цензура перестала справляться с возложенными на неё задачами. К середине 50-х гг. она утратила эффективность, захлебнувшись в потоке всевозможных «разъяснений», «дополнений» и «уточнений» цензурного устава, ссылок на прецеденты, ведомственных распоряжений, и пр. «Фильтр» засорился, система давала сбои, сами цензоры сетовали на невозможность исправно нести службу из-за крайней запутанности законодательства. С.В. Рождественский указывал на нали-

чие в России к 1862 г. двадцати двух специальных цензур и острую необходимость «подчинить литературу правительственному влиянию»¹⁷.

Эпоха «великих реформ» связана с попыткой некоторой либерализации цензуры в духе времени. В 1862 г. произошло преобразование цензурного управления, были приняты временные правила 12 мая, которые не запрещали публичное обсуждение социально-экономических и политических проблем, но требовали «не допускать нарушения» христианских и нравственных правил, а также «охранять неприкосновенность верховной власти и ее атрибутов, уважение к особам царствующего дома, непоколебимость основных законов»¹⁸, чем лишней раз подчеркивалось значение цензуры как части «тела власти».

На волне общественной активности и правительственного либерализма, выразителем которых было печатное слово, цензура особенно ярко проявила себя как историко-культурный феномен. Это выразилось не только в декларациях в духе времени, которые звучали из уст ведомственных начальников и печатались на страницах официальных изданий, но и проявилось в цензурной практике. Общая просветительская тенденция русской культуры рубежа 1860-х гг. не обошла и цензуру. Среди цензоров и даже руководителей цензурных комитетов были такие выдающиеся деятели отечественной культуры как И.А. Гончаров, Ф.И. Тютчев, Н.И. Пирогов, В.Н. Бекетов, Н.Ф. фон Крузе, которые своей работой способствовали тому, что русская читающая публика смогла познакомиться со многими произведениями отечественной и зарубежной науки, философии, истории, литературы. Некоторые из них пытались внести и реформаторскую струю в консервативную реку правительственной цензуры. Их знали, они были популярны в

¹⁴ Формулировки о «двояком смысле» уступили место более конкретным: «принимать за основание явный смысл» не допускать «произвольное толкование».

¹⁵ Никитенко А.В. Записки и дневник. Т. I. М., 1956. С. 227.

¹⁶ Рождественский С.В. Указ. Соч. С. 334.

¹⁷ Там же. С. 389, 391.

¹⁸ ПСЗ II. Т. 37. № 38270; Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 474-482.

Ирина Михайловна ЧИРСКОВА / Irina CHIRSKOVA

| «Тело власти»: цензура как феномен культуры / The Body of Power: Censorship as Cultural Concept |

среде деятелей культуры, хотя официальная их деятельность подчас была непродолжительной.

Сразу же после польских событий цензурные комитеты и отдельные цензоры были окончательно переданы в одно из ключевых ведомств, МВД¹⁹. Это означало оформление статуса цензуры в государстве, признание ее значимости и основного направления деятельности по «охране здоровья» «тела власти». Активизация политической активности общества в период реформ не могла не беспокоить МВД. Именно с министерства П.А. Валуева стала проводиться более гибкая цензурная политика. Регулирование социальной информации основывалось не только на прямом запрете, но и на переориентировании прессы с чисто политических интересов на вопросы общественные, хозяйственные и пр.

Временные правила о печати 6 апреля 1865 г.²⁰, подготовленные при активном участии министра внутренних дел П.А. Валуева²¹, лишний раз подтвердили, что в России временное может быть долговечнее постоянного: они просуществовали дольше уставов и составляли основу цензурного законодательства вплоть до ноября 1905 г. Несомненно, с их введением печатное слово стало чуть ближе к «телу власти», взаимоотношения приобрели несколько иной характер, однако до творческого диалога было еще очень далеко. Тем не менее впервые была отменена предварительная цензура, хотя и для довольно ограниченного круга изданий, рассчитанных, в первую очередь, на образованного читателя. Цензура получила стабильный руководящий орган – Главное управление по делам печати, которое просуществовало с 1 сентября 1865 г. до 8 марта 1917 г.

И Управление, и комитеты были организованы по коллегиальному принципу (наличие советов). В советах обсуждались спорные вопросы, высказывались иногда диаметрально противополож-

ные мнения, протоколы фиксировали «особые мнения», – при этом окончательное решение всегда оставалось за министром. Половинчатый характер правительственных преобразований в целом особенно четко проявился в цензурной реформе. Она мало повлияла на положение изданий вне столиц, сохранила не только предварительную ведомственную, а также духовную, иностранную цензуру, но и цензуру изобразительной продукции. Скромный шаг, позитивно воспринятый частью либералов, не примирил власть и культуру. Опасаясь за здоровье своего «тела», власть отторгала даже малые уступки в сторону либерализации. Судебная практика с публичным обсуждением вопросов, касающихся границ допустимой свободы печатного слова, постепенно уступила место глухим административным мерам. МВД, в лице Главного управления, разработало правила судопроизводства по делам печати²², пытаясь приспособить прогрессивную судебную реформу к нуждам консервативной цензуры.

Покушение Д.В. Каракозова 4 апреля 1866 г. стимулировало общее ужесточение правительственной политики, в том числе и в области культуры. На смену реформаторам пришли консерваторы, которые утвердили и свои методы «диалога» с культурой, руководства контроля. Началась последовательная корректировка законодательства, цензура все больше и больше наступала на культуру, а печать теряла с трудом завоеванные права. Завершилась централизация цензурного ведомства, введен ряд новых запретов «оглашать в печати» те или иные сведения, было продлено действие штатов цензурных учреждений²³, отклонены даже самые умеренные предложения по смягчению цензурного надзора²⁴. В начале 1870-х гг. наступление на пе-

²² Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати: 60-70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 71.

²³ ПСЗ II. Т. 44. Отд. 2. № 47451; Т. 45. Отд. 1. № 47966; № 48016.

²⁴ В частности, предложения Особой комиссии для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати под председательством С.Н. Урусова (2 ноября

¹⁹ ПСЗ II. Т. 38. № 39162. 14 января 1863.

²⁰ ПСЗ II. Т. 40. № 41988; 41990.

²¹ Валуев П.А. Дневник. М., 1961. Т. 2. С. 29.

Ирина Михайловна ЧИРСКОВА / Irina CHIRSKOVA

| «Тело власти»: цензура как феномен культуры / The Body of Power: Censorship as Cultural Concept |

чать продолжилось, усилились административные методы воздействия, литературные процессы прекратились, а «путь для уничтожения произведений печати был избран бесшумный и безгласный»²⁵.

В условиях правительственного кризиса рубежа 1870-80-х гг. вновь актуализировалась проблема печати. Однако работа «предварительного совещания для обсуждения начал, которыми следует руководствоваться при пересмотре действующих законоположений и временных правил о печати», созданного в октябре 1880 г., была прервана террористическим актом «первомартовцев», надолго похоронившим либеральные начинания власти.

Александр III, всегда бывший сторонником консервативного курса, став императором, активно воплощал его в жизнь. Знаменитое заседание Совета министров 8 марта 1881 г. стало не только «обвинительным актом» предшествующему царствованию²⁶, но, среди прочего, сформулировало и отношение власти к печати. К.П. Победоносцев подчеркнул, что Россия не готова к демократии, и требовал ограничения свободы слова и печати, которая разносит «хулу и порицание на власть» и «побуждает к самым вопиющим беззакониям». П.А. Валуев заявил, что «злоупотребления печатным словом могут иметь гибельные последствия для государства»²⁷. Разделы о цензуре и печати были включены в законодательные акты общего характера. Периодика, как наиболее активный, оперативный и массовый источник информации, особо опасный для «тела власти» специальным пунктом

был введен в закон 14 августа 1881 г.²⁸, по которому генерал-губернаторы получили право приостанавливать любое периодическое издание на время действия положения, т. е. практически на неопределенный срок²⁹. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1885 г. также включало перечисление наказаний и за преступления в области печати³⁰.

Едва ли не самым тяжелым бременем для культуры стали Временные правила о печати 27 августа 1882 г., которые внесли существенные изменения в стратегию цензурной политики³¹. Они значительно ограничили редакционную свободу, поставили издания, замеченные в оппозиционности, в жесткие временные рамки, не позволяющие самой свежей информации попасть в номер. Судьба издания и издателя передавались в руки высших чиновников (Совещания четырех министров (Верховной комиссии по печати)³²), что подчеркивало важность вопроса и отчасти предопределяло его решение и давало власти широчайшие возможно-

1869 г. – 6 ноября 1871 г.). См.: Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб., 1903. С. 73.

²⁵ Новомбергский Н.Я. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России. СПб., 1906. С. 235.

²⁶ С легкой руки министра финансов А.А. Абазы, окрепившего так речь К.П. Победоносцева на заседании Совета министров 8 марта 1881 г.

²⁷ К истории Лорис-Меликовской «конституции»: Заседание Совета министров 8 марта 1881 г. Из дневника Е.А. Перетца // Красный архив. 1925. Т. 1 (8). С. 141-142.

²⁸ «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 14 августа 1881 г. // ПСЗ СМ. 27 СНОСКУ

²⁹ ПСЗ III. Т. 1. № 350. См. там же: № 382, 383. По подсчетам К.К. Арсеньева, только в 1881 г. было сделано 10 предостережений, розничная продажа запрещена 6 изданиям, приостановлено после третьего предостережения 2 издания, без предостережения – 6. См.: Арсеньев К.К. Указ. соч. Сноска к 116 с.

³⁰ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1909. Раздел VIII. Изд. V. Отд. II.

³¹ Редактора повременных изданий, получивших третье предостережение, при возобновлении должны были предоставлять их в цензурные комитеты не позднее 11 часов вечера накануне выхода в свет. Цензоры получили право приостанавливать издание, не возбуждая судебного преследования. Редакторы по требованию министра обязаны были сообщать имена авторов статей. / ПСЗ III. Т. 2. № 1072.

³² В него входили министр внутренних дел, народного просвещения, юстиции, обер-прокурор Синода (в то время Д.А. Толстой, Н.Д. Делянов, Д.Н. Набоков и К.П. Победоносцев) и те министры и управляющие, которые возбуждали дело.

Ирина Михайловна ЧИРСКОВА / Irina CHIRSKOVA

| «Тело власти»: цензура как феномен культуры / The Body of Power: Censorship as Cultural Concept |

сти очиститься от неугодных (иностраных для политического «тела») изданий.

В движении к общей цели – ограждению от посягательств на «тело власти» – ведомственные трения прежних лет отступили на задний план. Состав цензурного ведомства расширился, повысились оклады цензоров, возрос их опыт в борьбе с бесцензурной печатью. Профессионализация цензурной деятельности привела к тому, что верховная власть практически свела на нет свою активность в этой сфере. Так, царь ограничивался, как правильно, короткими замечаниями, полагаясь на главный фильтрующий орган – Главное управление³³, которое всё «с большей осмотрительностью» выдавало разрешения на новые издания³⁴ всячески стремились сузить его границы.

Рост политической и социокультурной активности российского общества в конце XIX в. вызвал усиление контроля за изданиями, рассчитанными на массовую и молодежную аудиторию (для народа и юношества). Смена издателя зависела от министра внутренних дел. Возросшее в три раза количество букв на печатном листе, поставило под контроль предварительной цензуры издания большего объема. Новыми методами воздействия на прессу стали экономическое давление и поощрение³⁵. Рубеж XIX – XX вв. мало что изменил в положении цензуры как составляющей «тела власти», она продолжала выполнять свои защитные функции. Однако, как историко-культурный феномен, цензура не могла не соизмерять степень своего давления на культуру с общественно-

политическим и культурным положением в стране, с состоянием гражданской активности общества. Вместе с указами о подчинении типографий генерал-губернаторам, о ссылке на поселение за нарушения законов о печати, появляются и документы, устанавливающие сроки действия «предупреждений», налагаемых на издания. Декларируется необходимость «поставить печатное слово в точно определенные законом рамки» и пр.³⁶ «Определенных» законом рамок как таковых не было, а кризис власти проявился и в законодательной неразберихе, и в усилении административных мер воздействия на печать. Цензурная плотина была прорвана волной 1905 г., во имя спасения собственного «тела» власть вынуждена была приоткрыть шлюзы, отменив некоторые жесткие положения предшествующего законодательства³⁷.

Советская запретительная практика замечательно усвоила уроки и опыт организации царских карательных учреждений. Примером для подражания стала именно николаевская эпоха, а не время некоторой либерализации цензуры в 1860-е гг., которые вспоминались только в период «оттепели», «перестройки» и в постперестроечные годы. Советское табуирование культуры в полной мере коснулось не только политико-идеологических текстов, произведений литературы и искусства, но также науки. Под особым прицелом власти оказалась гуманитарная сфера, и, в особенности, историческое и философское знание.

В царской России историческая информация была строго дифференцирована по социальному, образовательному и возрастному принципу. Чисто научные издания, рассчитанные на определенную группу специалистов, а также толстые дорогие издания для образованной публики могли позволить себе исторические вольности и обсуждение малоизвестных исторических фактов или щекотливых подробностей из жизни царствовавших особ, если они имели определенный срок дав-

³³ Во главе Главного управления по делам печати с 1883 по 1896 г. стоял Е.М. Феоктистов, идейно близкий к консерваторам, умный и гибкий бюрократ, журналист-профессионал, специалист своего дела. См.: Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы // За кулисами политики. 1848-1914. М., 2001. С. 11-254.

³⁴ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 281.

³⁵ Зайончковский П.А. Указ. Соч. С. 306; ПСЗ III. Т. 17. № 13902; Новомбергский Н.Я. Указ. Соч. С.228; Феоктистов Е.М. Указ. Соч.; Балугев Б.П. Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. С. 80.

³⁶ ПСЗ III. Т.22. № 20941; Т.23. № 22704; Т. 24 № 25495.

³⁷ ПСЗ III. Т.25. № 26263.

Ирина Михайловна ЧИРСКОВА / Irina CHIRSKOVA

| «Тело власти»: цензура как феномен культуры / The Body of Power: Censorship as Cultural Concept |

ности. Несомненно, не поощрялось, но, даже в условиях предварительной цензуры, не говоря уже о цензуре последующей, допускалось. При этом карательные меры не исключались. Применялись главным образом административные меры, т.к. власть очень быстро усвоила популяризаторскую роль открытых судебных процессов.

Тщательнее контролировалась популярная и дешевая литература, рассчитанная на рядового читателя, которому власть доверяла гораздо меньше, рамки табу здесь были значительно шире. Наиболее уязвимой, с точки зрения правительства, была вузовская молодежь, а также учащиеся среднего звена и дети. Информация для этой категории читателей была строго выверенной и дозированной, особое внимание уделялось учебной литературе, литографированным лекциям и пр. Самый серьезный контроль проходила так называемая литература для народного чтения, дешевые исторические брошюры, лубочные картинки, которые всегда составляли существенный объем низового чтения.

Следуя традициям табуирования культуры, советская цензура сохранила многие элементы социальной дифференциации. Как высшие сановники царской России, пользуясь своим положением, часто имели в распоряжении запрещенные издания. Так, и советская элита, (во всяком случае, наиболее образованная, любознательная, или просто любопытная ещё часть) также грешила чтением «недозволенных» книг. Учебная литература, рассчитанная на юношество, просматривалась сверхвнимательно.

Среди новаций советской власти следует отметить мифологизацию истории и современности, никогда, за редким исключением, не принимавшей таких чудовищных масштабов, как в эпоху сталинизма и постсталинизма. «Замещение информационной среды»³⁸ рождало искаженные пред-

ставления о прошлом и настоящем, деформировало в угодном власти духе общественное сознание, двоемыслие стало следствием тотального контроля. Популяризация сильной власти, которой приписывались все успехи и достижения общества, призвана была оправдать многое из происходившего в стране. Поменялись знаковые оценки исторических событий, многие получили оценки с «противоположным» знаком. Изменился центральный герой истории, во главе угла оказалась не личность, а «народные массы». Власть регламентировала тематику исследований, изменила в том числе и набор табуированных тем.

Запрещённые ранее рассуждения о некоторых сторонах жизни августейшего семейства, известных родов империи, о военных неудачах, о бунтах, смутах, самозванцах, недостатках работы государственных учреждений, западных революций и пр., наоборот частично актуализировались в советское время. Изменились только акценты. Так, например, исключался всякий позитив в оценках деятельности правительственных учреждений до-советского прошлого и пр. То, что подвергалось осуждению, как деструктивное, теперь оценивалось как веха в поступательном развитии общества. Была создана историографическая традиция изучения революционного движения, истории рабочего класса – как отечественного, так и зарубежного.

Тем не менее, отечественная историческая наука и в условиях тоталитарного режима, делая подчас реверанс в сторону табуирующих органов, совершала замечательные открытия, создавала уникальные исследования, не потерявшие своего значения и по сей день, осуществляла тематическое издание исторических источников, которые помогали представить объективную картину истории. Появлялись исторические романы, фильмы и театральные постановки, которые тоже удавалось «протащить» через «препоны и рогадки» советской цензуры. Однако все эти достижения советской

³⁸ Термин И.Л. Беленького // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов,

О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцев. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. С. 525.

Ирина Михайловна ЧИРСКОВА / Irina CHIRSKOVA

| «Тело власти»: цензура как феномен культуры / The Body of Power: Censorship as Cultural Concept |

науки, литературы и искусства, могли осуществляться в «теле» советской культуры лишь в рамках, заданной партией политико-идеологической концепции, границы которой зорко охраняла советская цензура. Но это сюжет, требующий особого изучения.

В 1990-е гг. история российской цензуры вернулась примерно к ситуации 1905 г. Общество попыталось «понять все заново», – не случайно именно в это время начался активный процесс изучения истории и практики цензуры, методов табуирования информации, картины взаимоотношений власти и общества, культуры и политики. Проводился учет исторического опыта, необходимый для предотвращения возможных ошибок в области ограничения свободы слова. Произошло новое понимание свободы слова (в широком смысле), его значения для здоровой жизни общества как гарантии от застоя, в том числе научного.

Тогда же пришло осознание, что существование цензуры как социокультурного регулятивного механизма возможно необходимо для развития общества и его институтов. «Тело власти», лишённое возможности влиять на общественные и культурные процессы с помощью цензуры, фактически парализовано. Разумная а, значит, здоровая и плодотворная культурная политика государства должна предоставлять общественному мнению возможность осуществлять контроль, предостерегать,

предлагать варианты, указывать недостатки и выполнять иные социорегулятивные функции в отношении культуры и ее прецедентных текстов.

2000-е гг. характеризуются колоссальным ростом онлайн СМИ, которые в первое десятилетие XXI в. фактически оставались безконтрольными. В начале второго десятилетия века государство неоднократно пыталось, не всегда удачно, ввести Интернет и «новые медиа» в целом в некое правовое поле, что вызвало острую реакцию Интернет-сообщества, где все чаще говорят о нарушении свободы слова и нарушения цензуры. Однако, тот факт, что довольно резкие заявления и острые, нелицеприятные для «тела власти», высказывания и дискуссии становятся достоянием общественности, свидетельствует о том, что в эпоху информационного общества тотальный контроль невозможен. Как и в прежние времена «запрет» всегда стимулировал интерес. Так называемый, «эффект Стрейзанд», т.е. массовое распространение блокируемой информации в Интернете, в силу самого факта блокировки, делает запрет малоэффективным, лишь популяризируя «запретный плот». Критика власти – неизбежный элемент современной культуры. Она должна быть направлена на совершенствование конструктивного и плодотворного диалога власти и общества, в процессе которого возможно будет выработать совместный консенсус.

